

«ЕСЛИ УЖ ГОВОРИТЬ О ВОСПИТАНИИ ИСКУССТВОМ...»

Встреча была назначена на девятнадцать ноль-ноль, но Михаил Александрович Ульянов опаздывал. Прошло пять минут, десять. Слушатели университета культуры, собравшиеся в Центральном Доме актеров в Москве, заволновались: «Придет — не придет?» И только администратор дома была абсолютно уверена: «Придет. Если обещал — значит обязательно будет».

И, действительно, минут через пять Ульянов появился. Заложив руки за спину, как-то стремительно не прошел даже, а ворвался в комнату за сценой. Взглянув на часы: «Все-таки опоздал! Ах, как неудобно». И будто извиняясь: «Школьники задержали на встрече. Столько пришлось на вопросы отвечать!». Прислушался к шуму, доносящемуся из зала. «Ну, нечего время терять. Пошли». И так же стремительно, пригнув лобастую, упрямую голову, шагнул на сцену. Объяснил причину задержки, извинился и сразу же, что называется с ходу, взял зал в свои руки. Полтора часа слушали его люди. Нет, он не играл. Он говорил о театре. О его воспитательной роли, о том, что не случайно, например. Малый театр всегда называли вторым университетом. О том, что в театре нельзя отдыхать бездумно. Что каждое представление должно быть прежде всего праздником вдохновенным, праздником с размышлениями и переживаниями. Это был страстный, на одном дыхании, монолог о взаимной ответственности театра и зрителя.

Вы знаете, именно в тот момент я почувствовал, что народный артист СССР Михаил Александрович Ульянов — это прежде всего публицист. Пропагандист. Агитатор. Актеру, конечно, необходимо уметь выступать. Есть у него и профессиональные какие-то приемы, секреты. Можно, в частности, сыграть порыв, страстность, выдать «на-гора» эмоции. Но в Ульянове прежде всего жила неистовая самозабвенная убежденность. Чувствовалось, он говорил о пережитом, о выстраданном и оттого особенно дорогом. Говорил о том, во что сам верил. Такое не сыграть. Это была необходимая, как воздух, жажда общения. Еще до встречи я спросил двух слушателей, мужчину, уже в годах, и молоденькую девушку: что их прежде всего привлекает в артисте Ульянове. И оба, не стесняясь, ответили: «Одержимость. Полная самоотдача и слияние с образом. И тот подбор героев, которых он играет».

В тот вечер Михаил Александрович еще дважды выступал перед аудиторией. Перед разной аудиторией. И каждый раз собравшиеся затихали, буквально на лету ловя каждое откровенное слово артиста.

И вот, наконец, поздно вечером, усталый, взвинченный, Ульянов, которого только что проводили восторженными аплодисментами, сидит передо мной. Категорически отвергает предложение отложить беседу, приговаривая: «Работать так работать». Передаю ему отзывы зрителей о нем.

Михаил Александрович, помолчав, произносит:

— Прежде всего в каждой роли мне хочется найти ту гражданскую позицию, ради которой я взялся за саму роль. Определяю, что мне хочется воспеть, против чего восстать. Я люблю роли, несущие в себе проблемы, которыми я действительно живу. Они исходят из моего жизненного опыта. Это, так сказать, точка отсчета. Мои боли, вопросы, размышления...

Уже потом, как бы продолжая этот разговор, я открыл его книгу «Моя профессия», выдержавшую два издания. Само название, казалось бы, несет в себе однозначность: речь должна идти об актерском мастерстве, об образах, созданных актером, размышлениями над проблемами театра и кино. Но вчитайтесь вот в эти строки, где уроженец Сибири Ульянов рассуждает об отношении к природе.

«Недавно я спросил своего племянника: ходят ли они шишковать?

— Да какие там шишки, и кедрача-то не осталось. Приходят с бензопилой «Дружба», валют кедр и собирают с поваленного дерева шишки.

Я не поверил было этому буквально потрешному мени известию. Но мой шурик подтвердил, что так и есть.

Я этого все же понять не могу. Не могу понять этого безумия. А в том, что это безумие, не приходится сомневаться. Ибо только безумец или мерзавец ради двух-трех десятков шишек валит двух-трехсотлетнее дерево. Наверное, таких «недочеловеков» немного. Наверное... Но они есть, и это страшно. Как они могли появиться? Почему их ничто не останавливает, не удерживает?

Не правда ли, это сказано? Вот, оказывается, какие проблемы волнуют артиста. Вот против кого он восстает в своих ролях, вот против кого он борется вместе со своими героями. Кстати, прочитав приведенные выше строки, я невольно вспомнил, как несколько лет назад, совершенно бездумно, просто так, ради баловства (как ни страшно звучит в данном случае это слово) был убит на Сокольнических прудах в Москве всеобщий злешенный любитель ручной лебедь Борька. Это ведь тоже были обыкновенные подростки, воспитанные в нашей с вами школе, где с молодых ногтей внушают мысли о гуманизме, добре, товариществе и дружбе. А вот поди ж ты, убили беззащитную птичку.

«Моя новая роль в кино — это тоже роль социально активная. Это роль Алексея Ивановича Кустова. В роли Кустова есть та тема, которая меня беспокоит, тревожит и кажется мне сегодня необходимой. — рассказывает Михаил Александрович. — Тема добра, тема твоего личного участия в жизни. Тема действенной, я бы сказал, жизни. Назовем это так. Но еще у него хватает и силы, и возможности, и времени, и сердца на помощь другим, на понимание другого сердца. Это та личность, которая мне показалась значительной, потому что в ней есть активная, яростная, донкихотская позиция. Он сделал не такое уж великое дело. Но

ведь и мир строится не из одних великих дел».

Речь идет о главном герое фильма «Последний побег», законченного недавно на киностудии «Ленфильм» и отобранного на четырнадцатый Всесоюзный кинофестиваль. Действительно, ничего из ряда вон выходящего в картине не происходит. За мальчиком, отбывшим срок в специальной школе для «трудных» подростков, никто из родителей не приехал. Казалось бы, какая уж тут трагедия? Не приехали сегодня, придут завтра и заберут. Именно так считают и члены комиссии, решающей вопрос об освобождении. Видимо, так посчитала и мать подростка, и его отчим. А родной отец, оказавшись, вообще не знал, где находится его сын. И лишь руководитель духового оркестра спешколы Алексей Иванович Кустов прекрасно понимает состояние мальчика. Он забирает его к себе домой. Ссорится со своими близкими, никак не желающими понять всю глубину трагедии маленького человека. Нарушая всяческие инструкции, везет мальчишку в родной город. Поднимает на ноги всех: и родную мать, и отчима, и отца его. Он воюет за еще неокрепшую душу ребенка. Именно воюет, потому что равнодушие, себялюбие, черствость, нравственная глухота — это не просто беда. Это активные враги нашего общества. Им он дает бой.

— Да, картина об активной позиции жизни. Да, картина об активном вмешательстве в беды ближнего твоего. Но, кроме всего прочего, это картина о человеке необычайном, неординарном, человеке чудном, наивном. В чем-то красивом, раскрепощенном. Человеке, который остается самим собой, а не прилаживается к общепринятым меркам и стандартам. Кустов из той породы людей, у которых есть свой мир, своя индивидуальность. Я бы сказал, умение сохранять свое «Я» дано только талантливым людям. И Алексей Иванович Кустов именно талантлив своей добротой, искренностью, отзывчив на чужую боль сердцем.

Еще раз откроем книгу Ульянова «Моя профессия».

«Говорить о воспитании — значит говорить о раздумьях, которые вызывает произведение у зрителей, о раздумьях о жизни, о нравственных проблемах человеческого общества, об общественных задачах, о мировоззрениях, которые обогащают человека, делают его умней, глубже. Именно этими раздумьями воспитывается человек. Явление искусства обязательно должно быть эмоциональным, заразительным, страстным. Если оно волнует, будоражит, потрясает, тогда оно воздействует на зрителя, а значит и воспитывает...»

Есть в фильме «Последний побег» такой эпизод. Мчится по улицам города милициска машина. И усиленный динамиком рвется взволнованный голос Алексея Ивановича Кустова. Скентик, наверное, скажет: «Так не бывает. Не будет милиция будоражить весь город ради одного заблудшего парнишки». Может, и не будет. Но ведь так хочется, чтобы было именно так. Чтобы из-за каждого, так называемого, «труд-

ного» подростка поднимался на ноги весь город, все наше благополучие. Только тогда навсегда исчезнут бактерии цинизма, отравляющие сердца ребят беззаботной жестокостью, когда они могут порой просто так, забавляясь, оскорбить инвалида или убить беззащитного красавца лебедя. Недаром Михаил Александрович утверждает: «Картина также поднимает тему предостережения. Дело в том, что надломить этого мальчика легко. А через десять лет этот мальчик будет уже взрослым и сам должен быть созидателем. А с надломленной душой, с искривленной психологией какой он будет? А если таких сотни? А если таких тысячи? Я убежден, что каждая человеческая судьба является и важной, и необходимой. Народ — это понятие, конечно, важное и прекрасное. Но народ состоит из отдельных людей. И любить народ нельзя, не любя человека. Это вранье: «Я люблю народ, не любя ближнего своего». Это все неправда. Любить народ можно, только любя каждого человека... Вот что такое для меня Алексей Иванович Кустов».

Как понимает силу своего экранного героя сам создатель. Пусть Алексея Ивановича считают чудачком. Но вспомните чеховское: «Чудачки украшают жизнь!» А чудак Кустов не просто укрощает жизнь. Он еще и боец. Вопреки логике равнодушного обывателя: «Кому это надо, при чем здесь я?», он не оставляет неблагополучного мальчишку один на один с черствостью и равнодушием. Отказывает изношенное сердце, но Алексей Иванович, пренебрегая запретами врачей, мчится на вокзал, где его (он в этом уверен) ждет Виктор. Во время войны солдат Кустов в рядах таких же как и он обыкновенных героев, сердцем прикрыл страну. Сегодня, сейчас он закрывает своим сердцем одиночество одного подростка...

Вот о чем беседовали мы поздним вечером с народным артистом СССР Михаилом Александровичем Ульяновым, когда отгребели аплодисменты и был закончен его рабочий день. И было в Михаиле Александровиче, таком замкнутым, на первый взгляд, человеке, что-то от сыгранного им Алексея Ивановича Кустова. Такая же одержимость и преданность своему делу, что несет людям уроки добра и жизненной правды. Вот почему в своей книге «Моя профессия» он написал:

«Я играл в разных по художественному уровню фильмах и спектаклях. В одних перед моими героями стояли картонные препятствия, а в других — подлинно жизненные. Там, где препятствия были истинными, лучше удавался образ, быстрее и точнее находились пути к зрителю. Достоинство человека проявляется в борьбе, и только в борьбе, в которой он даже пусть и не побеждает, но остается человеком. Вот единственный путь воздействия и, если хотите, воспитания зрителя, если уж говорить о воспитании людей искусством...»

Б. НОВИКОВ.